

28 апреля (11 мая)

Мученица Анна Шашкина

Мученица Анна родилась 13 февраля 1888 года в деревне Пигаскино* Пошехонского уезда Ярославской губернии в семье крестьянина Василия Шашкина. Окончив сельскую школу, Анна жила вместе с родителями и со временем намеревалась поступить в монастырь. Она часто ездила в Павло-Обнорский монастырь, находившийся в Вологодской губернии, к его настоятелю архимандриту Никону (Чулкову), к которому за советом и молитвенной помощью обращались тогда многие ищущие спасения; среди них было много женщин и девиц, и отец Никон впоследствии основал из них монашескую общину в селе Захарово, которая из-за начавшихся гонений на Церковь существовала сначала под видом сельскохозяйственной артели, а потом коммуны. Как раньше Павло-Обнорский монастырь, так теперь, после его закрытия безбожниками, монашескую общину в Захарове стали посещать верующие, встречаясь здесь с архимандритом Никоном.

В середине тридцатых годов из ссылки и заключения стали возвращаться священники, арестованные в 1929-1931 годах, и начинали вновь служить в храмах; между тем обновленцы, захватившие за это время при поддержке властей православные храмы, с трудом удерживали их, не имея паствы. И тогда они снова призывали советскую власть и НКВД к содействию в борьбе против Православной Церкви.

В начале 1936 года обновленцы города Пошехонье-Володарска** писали властям: «В силу крайне осложнившихся обстоятельств... со стороны тихоновской общины при Успенской церкви города Пошехонье-Володарска, каковые выражаются... в открытой борьбе с обновленческой ориентацией... Они... открыто порицают храм, как еретический...

У тихоновцев очень часто бывают нелегальные собрания. 7 января 1936 года Смирнов Алексей Евграфович, как главный руководитель тихоновской общины, вечером собрал у себя гостей, около двадцати пяти человек, в том числе был Петр Богородский***, игуменья Леонида, много бывших монашек и другие лица, и окончился этот пир далеко за полночь. А почему это не может быть нелегальным собранием? Ведь это неизвестно нам, о чем они вели беседу.

Кроме этого, пользуясь приливом святочных празднеств, клевета и наушничество пошли во все села данного района с призывом к... бойкотированию всеми силами всех обновленческих служителей культа; совращая темные силы верой в святость Бога лишь тихоновщины... близко все это видя, как гнездо вражды и нелегальности, просим вас передать нам наш храм, во избежание последствий, а равно нежелание иметь таковых соседей, где, кроме религиозных целей, преследуются остатки прежних царских привычек...

* Ныне район Пегаскино в черте города Пошехонье.

** Первоначальное название – Пошехонь; с 1928 года до 1990-х годов – Пошехонье-Володарск; ныне – Пошехонье.

*** Священномученик Петр Богородский; память празднуется 24 октября/6 ноября.

А посему еще раз убедительно просим вас... во избежание всех последствий не только за наш храм, а и район, пресечь в корне развитие этого гнезда нелегальности и передать храм нам, обновленцам».

В конце 1936 года, еще до получения приказа о массовых арестах, сотрудники Ярославского НКВД приступили к арестам духовенства и верующих в области. 10 января 1937 года Анну Васильевну Шашкину вызвали на допрос, и следователь спросил ее, правда ли, что она собирала подписи жителей, желавших принадлежать к тихоновской общине. Анна Васильевна объяснила, что в 1935 году умер сын ее брата, и приходской их священник Петр Богородский отказался участвовать в его погребении, указав, что жители этой деревни не принадлежат к православной общине, и пусть они сначала определятся: в православный ли они будут ходить храм или к обновленцам; тогда она взялась собрать подписи жителей – тех, кто считает себя православными.

Анна Васильевна Шашкина.

– А вы к какой ориентации принадлежите? – спросил ее следователь.

– Я лично принадлежу к тихоновской ориентации.

– Почему же тогда Богородский требовал подписей за тихоновскую общину от всей вашей деревни?

– Я этого пояснить не могу.

В следующий раз следователь вызвал Анну Васильевну на допрос 20 февраля и стал укорять в запирательстве, между тем как известно, что она знакома со старостой храма Алексеем Евграфовичем Смирновым, который давал ей читать книгу Сергея Нилуса «Протоколы сионских мудрецов», и следователь тут же на допросе предъявил эту книгу.

– Почему вы скрывали от следствия сведения о книге Нилуса и контрреволюционные рассуждения по существу ее содержания?

– Я скрывала о книге Нилуса «Протоколы сионских мудрецов» потому, что не хотела выдать Смирнова, который строго наказывал, чтобы мы никогда никому ничего об этом не говорили.

– Значит, вы знали, что книга «Протоколы сионских мудрецов» является контрреволюционной книгой, поэтому и скрывали знакомство с ней от следствия?

– Мне Смирнов говорил, что книга эта запрещенная, но почему, не сказал.

– В связи с переписью населения СССР, среди населения города распространялись контрреволюционные провокационные слухи, исходящие из содержания книги «Протоколы сионских мудрецов» и ваших рассуждений о приходе антихриста, о печати и так далее. Эти слухи распространяли вы с целью срыва мероприятий советской власти по переписи. Подтверждаете вы это?

– Нет, это я отрицаю, никаких контрреволюционных провокационных слухов я не распространяла и об этих слухах ничего не слышала.

Вызвав в следующий раз на допрос Анну Васильевну, следователь стал добиваться от нее, чтобы она сказала, как давно она слышала об архимандрите Никоне и от кого, но она на этот вопрос отвечать отказалась.

4 марта 1937 года следователь снова вызвал ее на допрос и снова стал спрашивать об отце Никоне: как давно и как близко она была с ним знакома, но и на этот раз она ничего не ответила, и в тот же день следователь объявил ей, что она арестована как подозреваемая.

18 марта следователь снова вызвал Анну Васильевну на допрос и заявил:

– Вам предъявлено постановление о привлечении вас в качестве обвиняемой в преступлении, предусмотренном статьей 58-й. Обстоятельства преступления изложены в подписанном вами постановлении. Признаете вы себя виновной в этом?

– Признаю, что со Смирновым я связь имела, несколько раз посещала его дом, а также часто вместе ходили в... церковь. Книгу Сергея Нилуса «Протоколы сионских мудрецов» я у Смирнова видела, ее читала Гудкова, которая мне рассказывала ее содержание, но контрреволюционных слухов я среди населения не распространяла. Никаких вопросов о войне, о победе фашизма, о восстановлении в СССР капиталистического строя и так далее мы со Смирновым и Гудковой не обсуждали. Богородского я знаю как священника, и, действительно, по его заданию я собирала подписи за тихоновскую церковь, но никого не запугивала, подписывались все добровольно... Архимандрита Павловского монастыря Никона я знаю. Бывала несколько раз у него в монастыре, когда еще он был открыт. В 1924 году Никон был в городе Пошехонье-Володарске, был в нашем доме, а после закрытия монастыря я с ним связи не имею и где он, не знаю.

– Сколько времени вы жили в Никоновской «коммуне»?

– Я членом Никоновской «коммуны» не состояла, но в «коммуне» была несколько раз.

– А зачем вы «коммуну» посещали?

На этот вопрос Анна Васильевна отвечать отказалась.

– Вы знали, что Никоновская «коммуна», по существу, была нелегальным монастырем, организованным для борьбы с советской властью?

Анна Васильевна и на этот вопрос отвечать отказалась.

– Кого вы посещали из членов «коммуны»?

– В «коммуне» я останавливалась у заведующей, Анны Александровны Соловьевой.

– Откуда вам известна Соловьева?

– Соловьеву я знала через ее тетку, монахиню Таисию. Кроме того, Соловьева, когда бывала в городе, останавливалась у меня.

– Имея связь с руководительницей «коммуны», вы не могли не знать целей и задач этой «коммуны». Следствие требует от вас откровенных показаний.

Анна Васильевна отказалась отвечать на этот вопрос.

3 апреля состоялся последний допрос, во время которого следователь снова попытался узнать у Анны Васильевны, что она знает о месте, где находится архимандрит Никон.

– Связи с архимандритом Никоном я не имею и где он находится в настоящее время, не знаю, – ответила Анна Васильевна.

– А зачем и к кому вы ездили осенью 1936 года в Тутаевский район?

– Осенью 1936 года я действительно ездила в... гости к своей знакомой по имени Евдокия... фамилию ее я не знаю. Была у нее три дня.

– А как вы знакомы с Евдокией?

– Я с Евдокией знакома давно. Когда раньше ходила в Тутаев, то останавливалась у нее ночевать, и она, когда бывала в городе, тоже ночевала у меня.

– Как же вы не знаете ее фамилии?

– Фамилии ее я действительно не знаю, и не знаю, чем она занимается.

– Вы явно лжете. Вы в Тутаевский район ездили с целью посещения архимандрита Никона, скрывающегося от наказания и проводящего активную контрреволюционную работу. Требую от вас откровенных показаний.

– Нет, у архимандрита Никона я не была и где он скрывается, не знаю.

– За что был расстрелян ваш дядя, Александр Федорович Шашкин, и сидел его сын, Василий Александрович Шашкин?

– Мой дядя, действительно, в 1918 году был расстрелян, но за что, я не знаю. Также не знаю, за что сидел его сын, до революции он был урядником.

15 августа 1937 года Особое Совещание при НКВД приговорило Анну Васильевну к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и она была отправлена с первым этапом в Северо-Восточные лагеря НКВД. Анна Васильевна Шашкина скончалась 11 мая 1940 года в больнице отдельного лагерного пункта Мылга в одном из Северо-Восточных лагерей НКВД и была погребена в неизвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Апрель». Тверь. 2006. С. 294-299